

Жуан Бай чувствовал, как его мочки ушей в руках Шэ Юаня становились всё горячее, а сам он весь будто раскалялся. Он не смел и пикнуть, уткнувшись в тарелку и покорно прожевывая все, что ему подкладывали, с видом, достойным большого счастливого кота.

Шэ Юань, разошедшийся не на шутку, воспользовался покладистостью Жуан Бая: ему уже было мало мять ему уши, и он принялся щипать щеки.

Ли Цингэ, не выдержав, подсунул Шэ Юаню палочками еды:

— Хватит, ешь нормально.

Шэ Юань кивнул, но вместо того чтобы есть, заметил, что этого блюда нет в тарелке Жуан Бая, и тут же переложил ему.

Жуан Бай жалобно посмотрел на Шэ Юаня и прошептал:

— Я больше не могу...

Шэ Юань опустил палочки и безжалостно заключил:

— И что теперь? Столько оставишь?..

Жуан Бай надулся, собираясь через силу доест, но Шэ Юань вдруг приблизился и сказал:

— Если пообещаешь, что исполнишь одно мое желание — я помогу.

Жуан Бай тут же закивал. Если он оставит так много, мать точно устроит ему взбучку. Выбор между ее нотациями и условием Шэ Юаня был очевиден — даже думать не приходилось.

Довольный ответом, Шэ Юань просто поменялся с Жуан Баем тарелками и быстро доел за него все, что осталось.

Жуан Бай планировал незаметно разделаться с остатками, но Шэ Юань без тени смущения выставил это напоказ — да еще и в такой откровенной манере.

— Боже... — в отчаянии застонал про себя Жуан Бай.

Это было так чертовски смущающе!..

Жуан Бай украдкой взглянул на родителей напротив, но те, казалось, даже не заметили их взаимодействия, увлеченно беседуя.

Хотя на самом деле все их ужимки не ускользнули от взрослых. Каждый про себя уже решил: эти двое непременно поженятся.

Ци Цююй, в отличие от взволнованного Жуан Чанху, воспринимала это спокойно. Ведь Шэ Юань так ухаживал за Жуан Баем с тех пор, как тот был еще малышом-колобком. Он всегда сначала кормил его, а уже потом ел сам. А Жуан Бай часто не доедал, и Шэ Юань без раздумий дочащал тарелку за ним.

Так что, если говорить о косвенном обмене слюной, он начался, едва Жуан Бай перешел на твердую пищу. Семилетний Шэ Юань, едва научившись держать палочки, уже не пропускал ни одного приема пищи, чтобы не покормить его. Если кто-то мешал, он хмурился и отказывался есть. Но видя, как хорошо он заботится о Жуан Бае, взрослые вскоре перестали вмешиваться.

Девять лет такой неусыпной опеки избаловали Жуан Бая донельзя: малейшее недовольство — и он уже рыдал, чтобы Шэ Юань его успокоил. Ци Цююй смеялась, что он «плакса», но Жуан Баю было все равно — ведь у него всегда были объятия и сладости от Шэ Юаня.

Но именно эта неразрывная близость и привела к будущей трагедии. Вынужденный разлучиться с Жуан Баем из-за семейных обстоятельств, Шэ Юань оставил его в состоянии, с которым тот не мог смириться. Жуан Бай только и делал, что плакал, отказываясь от еды и учебы. Но хуже всего было то, что его тело, с детства привыкшее к феромонам Шэ Юаня, отреагировало на резкое их отсутствие тяжелым сбоем.

Через неделю последствия стали еще страшнее: у Жуан Бая началась непрекращающаяся лихорадка. Жуан Чанху поместил его в лучшую детскую больницу, но никакие методы не помогали сбить жар. Для ребенка такая температура могла стать смертельной.

Тогда лечащий врач предложил радикальный метод: заблокировать железу Жуан Бая, чтобы его тело перестало реагировать на внешние феромоны. Возможно, это стабилизировало бы его систему.

Ци Цююй согласилась — она не могла позволить сыну умереть. И, к счастью, Жуан Бай выкарабкался: температура спала. Однако долгая лихорадка стерла все его воспоминания.

Жуан Чанху и его жена восприняли это как шанс вырастить ребенка заново — главное, что он выжил. А Жуан Бай, лишенный опеки Шэ Юаня, научился самостоятельности.

<http://bllate.org/book/13855/1222252>